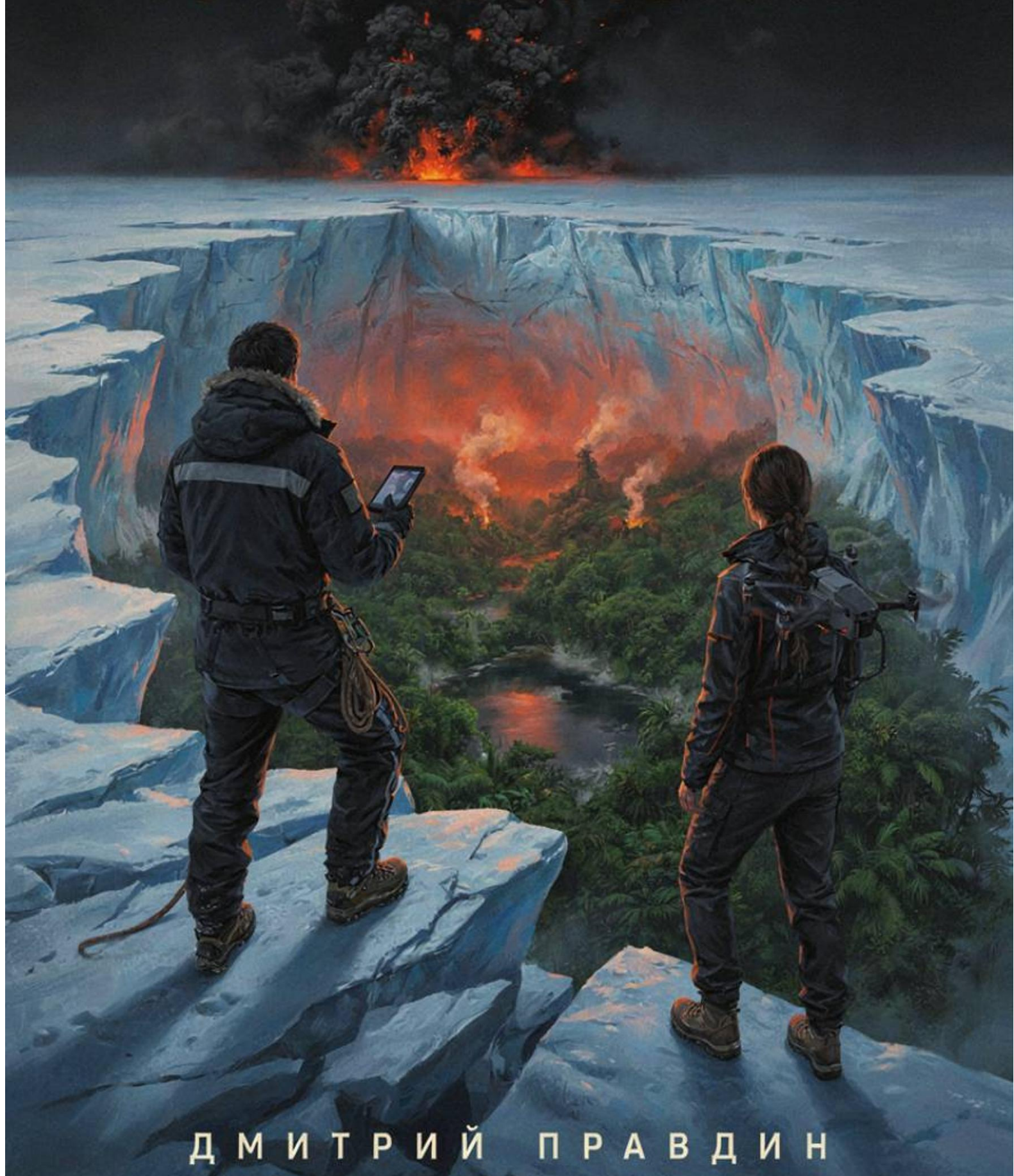

ПРОЕКТ "САННИКОВ"

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

ДМИТРИЙ ПРАВДИН

Дмитрий Pravdin

**ПРОЕКТ «САННИКОВ»:
ТОЧКА НЕВОЗВРАТА**

«Автор»

2026

Pravdin Д.

**ПРОЕКТ «САННИКОВ»: ТОЧКА НЕВОЗВРАТА / Д. Pravdin —
«Автор», 2026**

Бывший опальный климатолог Максим Горчаков получает шанс доказать свою «безумную» теорию: в сердце Арктики скрыта земля с незамерзающим морем. Финансирует экспедицию миллиардер Артур Казанцев, чьи цели далеки от науки. Пробившись сквозь ледяной ад, они обнаруживают изолированную кальдеру древнего супервулкана. Здесь, в субтропическом оазисе, живут потомки затерянных экспедиций — онкилоны, и обитают агрессивные приматы-вампу. Но идиллия рушится, когда Казанцев начинает бурение ради добычи уникального энергоносителя. Его жадность пробуждает вулкан, превращая рай в апокалипсис. Под пепельным дождем и среди потоков лавы Максиму предстоит выбрать: спасти открытие или жизни тех, кого мир считал мифом. Захватывающий триллер о цене прогресса, хрупкости природы и тайнах, которые лучше оставить подо льдом. Герои должны объединиться, чтобы выжить в гонке со временем, пока Земля Санникова не исчезла навсегда, унеся с собой последнюю надежду человечества на чистую энергию и своих последних жителей

© Pravdin Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Роман	5
ЧАСТЬ I. СКВОЗЬ ЛЕДЯНОЙ ЗАНАВЕС	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дмитрий Pravdin
ПРОЕКТ «САННИКОВ»:
ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Роман

Жанр: Научно-фантастический триллер / Эко-хоррор **Автор:** Дмитрий Pravdin (На основе идеи по мотивам В. А. Обручева)

ЧАСТЬ I. СКВОЗЬ ЛЕДЯНОЙ ЗАНАВЕС

Глава 1. Снимок из прошлого

За окном кабинета 412 института океанологии имени Ширшова моросил серый, безнадёжный питерский дождь. Капли барабанили по грязному стеклу, размывая контуры серых панельных домов на противоположной стороне улицы. Внутри пахло старой бумагой, пылью и остывшим кофе — запахом учреждения, которое когда-то было центром мировой науки, а теперь медленно превращалось в архив собственных былых величия.

Максим Горчаков сидел за своим столом, заваленным распечатками графиков температурных аномалий. Ему было сорок два, но в отражении черного монитора он видел человека лет на пятьдесят старше. Глаза запали, виски тронула ранняя седина, а осанка выдавала привычку сутулиться под грузом невидимого давления. Три года назад его уволили. Официальная причина — «сокращение штата». Неофициальная — «профессиональная непригодность и распространение лженаучных теорий».

Теория была простой и пугающей. Горчаков утверждал, что в секторе Северного Ледовитого океана, к северу от Новосибирских островов, существует зона с устойчивой положительной температурой поверхности, скрытая плотным слоем ионосферных помех. Спутники видели там лишь белый шум, но анализ вторичных данных гидрологических буев, дрейфовавших в том районе десятилетия назад, показывал невозможное: тепло. Много тепла.

Его коллеги смеялись. Начальство требовало убрать «бредни» из отчетов. А когда Максим отказался фальсифицировать данные, его дверь оказалась закрытой. Теперь он читал лекции для студентов-первокурсников, которые слушали его вполуха, мечтая о карьере в нефтяных компаниях, а не о поиске призрачных земель во льдах.

Звонок в дверь нарушил тишину. Не резкий, требовательный звонок охраны, а мягкий, уверенный стук.

— Войдите, — отозвался Максим, не отрывая взгляда от графика, где красная линия температуры упрямо ползла вверх, игнорируя законы термодинамики.

Дверь открылась, и в кабинет вошел человек, который казался чужеродным элементом в этой убогой обстановке. Высокий, широкоплечий, одетый в кашемировое пальто цвета мокрого асфальта, которое, судя по крою, стоило больше, чем годовая зарплата Максима. Лицо незнакомца было гладко выбрито, взгляд холодный и оценивающий, как у хирурга или хищника.

— Доктор Горчаков? — голос был низким, бархатистым, с легкой хрипотцой.

— Да. Чем обязан? Если вы студент, то пара закончилась час назад.

Незнакомец улыбнулся уголками губ. Эта улыбка не достигла глаз.

— Меня зовут Артур Казанцев. И я не студент. Я пришел поговорить о Земле Санникова.

Максим замер. Рука, державшая ручку, дрогнула, оставив кляксу на бумаге. Он медленно поднял голову, изучая посетителя. Имя Казанцева гремело в финансовых сводках: венчурный инвестор, владелец сети частных космических станций, человек, который покупал целые острова ради личных экспериментов.

— Это шутка? — тихо спросил Максим. — Или вы тоже считаете меня сумасшедшим?

— Я считаю вас единственным человеком в России, который смотрит на данные, а не на бюджетные гранты, — Казанцев шагнул вперед, не дожидаясь приглашения сесть. Он положил на стол тонкий алюминиевый кейс. Щелкнули замки. — Откройте.

Максим колебался секунду, затем потянул кейс к себе. Внутри лежал планшет последнего поколения и стопка старых, пожелтевших фотографий, скрепленных канцелярской скрепкой.

— Что это?

— Термоснимки. 1974 год. Секретная экспедиция подводной лодки К-12 проекта 671РТМ «Щука». Лодка прошла подо льдами в районе, который ваши спутники сейчас считают «мертвой зоной». Командир лодки, капитан первого ранга Орлов, сделал эти снимки перископом, когда всплыл в полынье. Официально лодка вернулась с пустыми трюмами. Неофициально... посмотрите.

Максим взял верхнюю фотографию. Черно-белое зернистое изображение. Ледяные торосы, серое небо. Ничего особенного. Он перевернул следующую. И еще одну. На последней, самой размытой, виднелся темный силуэт на горизонте. Не айсберг. Слишком ровные линии. Слишком темный цвет для льда.

— Это скала, — пробормотал Максим.

— Посмотрите на тепловую карту, — Казанцев активировал планшет. На экране появилась трехмерная модель того же сектора. Но вместо белого шума здесь пульсировало ярко-оранжевое пятно неправильной формы. — Температура поверхности воды в этом радиусе — плюс четыре градуса. Воздуха — плюс двенадцать. Даже зимой.

Максим почувствовал, как кровь приливает к лицу. Сердце забилося чаще. Это было то самое. То, за что его уничтожили.

— Откуда у вас эти данные? — спросил Максим, его голос сорвался на шепот.

— Военные архивы имеют свойство «теряться». Я выкупил их у внука капитана Орлова. Вместе с дневниками, которые никогда не публиковались. Там есть запись: «Видели землю. Зеленую. С дымом».

Казанцев навис над столом, его тень накрыла графики Максима.

— Я снаряжаю экспедицию, доктор. Частную. Вне юрисдикции Росгидромета и Минобороны. У меня есть ледокол нового поколения, «Полярная Звезда-2». Автономный, с ядерным реактором малой мощности. Он может пройти там, где другие ломают винты. Мне нужен капитан этого плавания. Не тот, кто будет вести корабль, а тот, кто знает, куда плыть. Тот, кто видит то, чего не видят другие.

Максим откинулся на спинку стула. Разум кричал об опасности. Казанцев был известен своей жесткостью. Слухи говорили, что его проекты часто заканчивались трагедиями, которые успешно замалчивались пресс-службами его холдинга.

— Почему я? — спросил Максим. — Есть сотни молодых ученых, которые мечтают о славе.

— Потому что молодые ученые верят в систему, — холодно ответил Казанцев. — А вы знаете, что система слепа. Вы потеряли всё ради истины. Я предлагаю вам шанс доказать, что вы были правы. И получить ресурсы, о которых вы даже не мечтали.

— А если земли нет? Если это ошибка датчиков семидесятых годов?

— Тогда вы получите миллион долларов за консультацию и молчание, — Казанцев достал из внутреннего кармана пиджака конверт. Толстый. — Аванс. Остальное — после подтверждения цели.

Максим посмотрел на конверт, потом на размытый снимок скалы в море льдов. Он вспомнил свои бессонные ночи, насмешки коллег, чувство унижения, когда его имя вычеркивали из списков авторов статей. Он вспомнил холод арктического ветра, который любил больше всего на свете.

— Кто еще в команде? — спросил он, чувствуя, как внутри просыпается тот самый исследователь, которого он пытался убить в себе последние три года.

— Капитан Руслан Бойко. Бывший командир атомного подводного крейсера. Уволен за «излишнюю самостоятельность». Человек, который может вывести ледокол из любого адского

котла. И Кира Назарова. Лучший специалист по робототехнике в стране. Она обеспечит нам глаза там, где спутники слепы.

— Когда выход?

— Через две недели. Мурманск. Порт Лиинахамари. Все документы, визы и разрешения уже оформлены моими юристами. Для мира вы едете в научный круиз по изучению микропластика. Для нас — мы идем искать Землю Санникова.

Казанцев развернулся и направился к двери.

— Подумайте, доктор. Но помните: лед тает. И время тоже.

Дверь закрылась. В кабинете снова стало тихо, только дождь продолжал барабанить по стеклу. Максим открыл конверт. Внутри лежали пачки новых купюр. Он даже не стал их считать. Его руки дрожали не от жадности, а от предчувствия. Он снова посмотрел на планшет. Оранжевое пятно пульсировало, словно живое сердце, спрятанное под грудой льда.

Он знал, что согласится. Не ради денег. Ради того, чтобы увидеть своими глазами то, во что верил, когда весь мир считал его сумасшедшим.

Максим взял телефон и набрал номер единственного друга, оставшегося у него в институте.

— Петрович, привет. Это я. Слушай, мне нужно взять отпуск. На неопределенный срок. Да, я знаю, что сезон отчетов... Плевать. Я нашел её, Петрович. Я наконец-то её нашел.

Он положил трубку и посмотрел в окно. Дождь усилился, превращая город в сплошную серую пелену. Но где-то там, за тысячами километров льда, дышала земля. И она звала его.

Глава 2. Слепая зона

Ледокол «Полярная Звезда-2» не просто шел по воде — он разрезал реальность.

Это было судно нового поколения, спроектированное в закрытых бюро Росатома и выкупленное Казанцевым через сложную цепочку офшорных компаний. Его корпус, усиленный композитными сплавами титана и стали, напоминал клинок гигантского ножа, рассекающего белый панцирь Арктики. Два реактора малой мощности гудели где-то в недрах корабля, обеспечивая энергию не только для двигателей, но и для систем жизнеобеспечения, которые позволяли экипажу из двенадцати человек чувствовать себя как в пятизвездочном отеле посреди ледяного ада.

Максим Горчаков стоял на мостике, прижавшись лбом к холодному стеклу обзорной рубки. За бортом царил полярная ночь, но темнота здесь была особенной — плотной, осязаемой, пронизанной лишь слабым зеленоватым свечением северного сияния, которое плясало над горизонтом, словно предупреждающий сигнал.

— Широта восемьдесят два градуса, долгота сто тридцать пять, — монотонно доложил вахтенный офицер. — Скорость хода шесть узлов. Ледовая категория превышает расчетную. Нам приходится сбрасывать скорость, иначе вибрация корпуса станет критической.

Максим кивнул, не отрывая взгляда от бескрайней белой пустыни. Они шли уже четвертые сутки после выхода из Мурманска. Первые дни прошли в относительном спокойствии: команда привыкала друг к другу, изучала оборудование, проводила учения. Но чем дальше они уходили на север, тем сильнее менялась атмосфера на борту. Это было не просто ощущение холода или изоляции. Это было физическое давление, которое начинало давить на виски, вызывая легкую тошноту и дезориентацию.

— Доктор Горчаков, вам стоит отдохнуть, — раздался за спиной низкий голос.

Максим обернулся. Капитан Руслан Бойко стоял в дверном проеме, скрестив мощные руки на груди. Это был человек-скала: коротко стриженный, с лицом, изборожденным морщинами от ветра и солнца, и глазами цвета стали, которые, казалось, видели всё и ничего не

забывали. На нем была форма без погон, но осанка выдавала бывшего военного моряка с двадцатилетним стажем службы на атомных подводных лодках.

— Я не могу спать, Руслан, — ответил Максим, потирая переносицу. — Вы тоже это чувствуете?

Бойко подошел ближе, его тяжелые шаги почти не слышны на толстом ковролине мостика.

— Чувствую ли я что? Дискомфорт? Да. Мои люди жалуются на головные боли. Электроника начинает вести себя странно. Компасы врут на десять градусов. GPS теряет сигнал каждые пятнадцать минут. Но это Арктика, доктор. Здесь аномалии — норма.

— Нет, — Максим покачал головой. — Это не обычная магнитная буря. Посмотрите на спектрограф.

Он указал на один из мониторов консоли навигации. График электромагнитного фона, который обычно представлял собой ровную линию с редкими пиками, теперь напоминал кардиограмму человека в состоянии паники. Резкие всплески, провалы, хаотичные колебания.

— Ионосфера здесь нестабильна, — продолжил Максим, увлекаясь. — Обычно она отражает радиоволны определенных частот обратно на Землю, позволяя осуществлять дальнюю связь. Но здесь... здесь она работает как линза. Или как экран. Она не просто искажает сигналы, она их поглощает и переизлучает в другом диапазоне. Именно поэтому спутники не видят того, что находится под этим куполом. Они видят лишь отражение собственного шума.

Бойко хмуро посмотрел на график.

— И что это значит для нас?

— Это значит, что мы входим в зону, где законы физики работают с поправкой на местную геологию, — тихо сказал Максим. — Мы приближаемся к краю «слепой зоны».

В этот момент дверь мостика распахнулась, и внутрь впорхнула Кира Назарова. Она выглядела полной противоположностью суровому капитану: миниатюрная, в облегающем техническом комбинезоне, с короткой стрижкой платинового блонда и умными, живыми глазами, скрытыми за очками с дополненной реальностью. В руках она держала планшет, подключенный к системе управления дронов.

— У нас проблема, — сказала она без предисловий, её голос звенел от напряжения. — «Стрижи» падают.

— Какие «Стрижи»? — спросил Бойко, мгновенно переходя в режим командира.

— Разведывательные дроны модели RQ-170, модифицированные для работы в экстремальных температурах, — быстро объяснила Кира, подходя к центральной консоли. — Я запустила четыре аппарата полчаса назад, чтобы провести лидарное сканирование местности перед нами. Мне нужно было построить трехмерную карту рельефа льда, чтобы найти безопасный путь для вездеходов, если нам придется высаживаться.

Она вывела на главный экран данные телеметрии. Четыре зеленые точки двигались вперед, удаляясь от корабля. И вдруг одна из них мигнула красным и исчезла. Затем вторая. Третья.

— Что случилось? Атака? Помехи? — спросил Максим, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— Нет сигнала, — Кира яростно стучала пальцами по клавиатуре виртуальной клавиатуры. — Они не были сбиты. Они просто... отключились. Бортовые компьютеры перезагрузились, системы навигации сошли с ума, и дроны камнем упали в ледяную кашу. Последний кадр, который прислал четвертый дрон перед потерей связи...

Она увеличила изображение на экране. Картинка была зернистой, искаженной цифровым шумом. Но на ней можно было различить нечто странное. Не лед. Не воду. Что-то серое, клубящееся, поднимающееся прямо из-под льда.

— Пар? — предположил Бойко.

— Слишком густой для пара при такой температуре, — возразил Максим, всматриваясь в изображение. — И цвет... Он какой-то желтоватый.

— Это не пар, — тихо сказала Кира. — Это аэрозоль. Частицы серы и других вулканических газов, смешанные с кристаллами льда. Они создают плазменный экран. Именно он глушит электронику. Чем ближе мы к источнику, тем плотнее этот туман.

На мостике воцарилась тишина. Гул реакторов казался теперь оглушительным.

— Значит, теория подтверждается, — произнес Максим, и в его голосе звучала смесь торжества и ужаса. — Под льдом есть активность. Геотермальная. Очень мощная.

— И очень опасная, — добавил Бойко. — Если там вулканическая активность, лед может быть нестабильным. Трещины, полыньи, внезапные подвижки плит. Наш ледокол выдержит удар айсберга, но он не предназначен для плавания в кипящей воде.

— Нам нужно остановиться, — решил капитан. — Дальше на корабле идти нельзя. Риск потерять судно слишком велик.

— Но мы так близко! — воскликнул Максим. — По моим расчетам, тепловой контур должен быть всего в двадцати милях отсюда.

— Двадцать миль по битому льду, покрытому неизвестным химическим туманом, который отключает навигацию, — жестко отрезал Бойко. — Это самоубийство. Мы перейдем на вездеходы.

Кира кивнула, уже планируя следующие шаги.

— У нас есть три амфибийных вездехода «Арктика-М». Они оснащены шинами сверхнизкого давления, что позволяет им двигаться по рыхлому снегу и даже по тонкому льду, распределяя вес. Автономность — до трехсот километров. Системы связи — проводные и оптические, менее подверженные электромагнитным помехам. Но нам нужно будет тянуть кабель за собой, чтобы поддерживать связь с кораблем.

— Сколько времени займет подготовка? — спросил Бойко.

— Час. Может, два. Нужно проверить герметичность отсеков, зарядить батареи, упаковать оборудование.

— Делайте, — командирским тоном бросил Бойко. — Доктор Горчаков, вы идете с первой группой. Вы будете нашим «компасом». Кира, вы пилотируете ведущий вездеход. Я возьму второй. Третий останется резервным на борту, на случай эвакуации.

Максим хотел возразить, сказать, что он ученый, а не солдат, но взгляд Бойко остановил его. В этом взгляде не было места для дискуссий. Здесь, в этой слепой зоне, демократия заканчивалась. Начиналась иерархия выживания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.